

Наше знакомство состоялось, поскольку мы с Андреем оба были вовлечены в полуподпольную, но бурлящую культурную жизнь столицы второй половины 80-х. Никогда бы я не попал в клуб фабрики «Дукат» на поэтический вечер, организованный клубом «Поэзия», не будучи постоянным участником однодневных выставок московского клуба скульпторов, организуемых его ведущими Борисом Орловым и Дмитрием Санычем Приговым. Программа включала не только чтение стихов со сцены, но и выставку художников в фойе, и даже выступление музыкального коллектива.

Там я впервые увидел и услышал Андрея. Нельзя сказать, что современной поэзией я совсем не интересовался. Какие-то имена были на слуху, но «строчки с кровью» не попадались. Андрей ошеломил всех. Он читал наизусть «Коржик», «Наковаленку», «Песнь о кукурузнике», может, что-то ещё. Артистизм, с которым он вбивал в голову вроде бы немудрящие словосочетания, был значительной частью представления. Рыдали все, когда *«коржик не ломался»*, но завершалось восьмистишие повальной эйфорией, когда она *«коржик разломила»*.

Через месяц-другой меня пригласили в галерею «На Каширке», где в начале 1987 года проходила выставка «Народные традиции в самодеятельном и профессиональном искусстве», для участия в традиционной культпрограмме. Там морозным вечером мы и

познакомились с Андреем. Он пришёл в восторг от моей работы, а я очень хорошо понимал, кто он такой. Знакомство переросло в дружбу и сотворчество. Мне в то время не давала покоя мысль, что наиболее адекватным отражением стремительных перемен должен быть неструктурируемый шум, издаваемый чем-то, не имеющим никакого отношения к музыкальным инструментам. Я выбрал консервные банки и смастерил «консерварфу» и «консервафон». То, что на Сахалине, где я родился, мне «медведь на ухо наступил», меня совершенно не волновало. Я собирался производить не музыку, а шум.

Смущала художественная незавершённость затеи. Я предложил Андрею устроить «симультанную» акцию, в которой чтение стихов, подчёркиваю, не сопровождается шумовым фоном, а является как бы откликом на шумовой фрагмент. Местом первого эксперимента был выбран выставочный зал «На Малой Грузинской» где я был одним из участников коллективной весенней выставки «Объект-1».

Туркин пришёл со своим другом Юликом Гуголевым. Мы приступили к делу, выбрав в качестве сцены свободный от экспонатов проходной закуток. Дело было днём, народу было немного, но некоторые останавливались, привлечённые происходящим. Я шумел, поэты скандировали, а публика сомневалась — то ли милицию вызывать, то ли скорую из дурдома. Обжитой за два десятилетия зал художников-графиков как-то не очень нас принял. Мы были довольны, хотя мысль о милиции или, не дай бог, КГБ меня посещала всякий раз, когда читал Юлик. С Туркиным бы нам больше дурдома ничего не грозило.

Эксперимент мы посчитали удачным, однако настоящий успех пришел через год с небольшим. За год до того мне попала в руки книжонка некоего Митяева.

Это были очень назидательные вирши, повествующие о вселенской доброте и нечеловеческих достоинствах нашего народа и его авангарда. Я подумал: если зачитать какую-либо из наиболее одиозных притч, дать Андрею возможность откликнуться своим произведением, а затем пустить моё шумовое интермеццо, получится что-то вроде электрического разряда между двумя полюсами смыслов.

Возможность выступить обеспечила Саша Корнева, пригласив нас в качестве участников культпрограммы XVIII «молодёжки»¹ в московском Манеже. Выставка была грандиозной по размеру. Экспозиционное пространство завершалось огромной сценой, где мы и разместились. К этому времени спектр моих звучащих объектов значительно расширился, что позволило увеличить время представления почти до часа. Публики было много, она быстро «врубилась» и начала сопровождать каждый фрагмент овацией. Учитывая, что всё происходящее было полной импровизацией, мы достойно отработали наш номер и были вознаграждены адекватной реакцией зрителей.

Ни о каком сценическом профессионализме и речи быть не могло, но ещё несколько раз в разных форматах мы давали представления. Самым успешным было шоу на выставке группы «Арт-Бля». Комментировал происходящее Коля Дмитриев. Андрей выступал соло и в дуэте под названием «Квас заказан» с Юликом. Они декламировали и даже пели под рояль, с которым управлялся Юлик. Я, понятно, шумел. Публика ржала, что и было нашей наградой.

После смерти Андрея я практически засушил эту ветвь своего искусства по понятной причине. Андрей говорил, что бодрит — это минерал. Творчество его высокой огранки — бодрит.

¹ Молодёжка — выставка молодых художников (прим. автора).